Ор 83
В 87

1801

2001

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИЗМАЙЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ,

посвященные 200-летию со дня рождения В. И. ДАЛЯ

25—27 октября 2001 г.

МАТЕРИАЛЫ

Оренбург 2001

ф 83.
В87
ф83.31
83.3(2Рос-Рус)5-8
Даль
+ф72

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

а-273673
16
17

ВТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИЗМАЙЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ,

посвященные 200-летию со дня рождения В. И. Даля

25—27 октября 2001 г.

МАТЕРИАЛЫ

Издательство ОГПУ
Оренбург 2001

Оренбургская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской

Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова

В. И. ДАЛЬ И В. А. ПЕРОВСКИЙ. ФРАГМЕНТЫ ПЕРЕПИСКИ*

Владимир Иванович Даль, как известно, провел в Оренбурге восемь лет — с 1833 по 1841 гг. Это — важнейший период его жизни, поскольку именно в это время окончательно определились основные направления научной деятельности Даля, были написаны его наиболее значительные литературные произведения, началась работа над «Толковым словарем».

Известно также, что Даль приехал сюда в должности чиновника для особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском. Какие же отношение связывали этих двух замечательных людей, которые провели восемь лет в самом тесном сотрудничестве и немало пережили вместе?

Кто-то из биографов Даля предположил, что Перовский, приглашая его в Оренбург, хотел, кроме всего прочего, иметь при себе квалифицированного врача. Трудно сказать, на чем основано это предположение. Да, во время Турецкой войны 1828 г., в сентябре, при взятии Варны, Перовский был тяжело ранен и, как видно из его писем В. А. Жуковскому, догадывался, что эта рана будет мучить его всю жизнь. Но, как мы знаем из его же более поздних писем и из воспоминаний современников, в 1833 г., когда Василий Алексеевич получил назначение в Оренбург, он еще не обращал особого внимания на последствия ранения. Кроме того, если бы здоровье уже беспокоило его, он мог бы взять с собой врача, не заставляя его совмещать профессиональные обязанности с какими-либо другими, что и сделал, когда приехал в Оренбург второй раз, в 1851 г., в должности генерал-губернатора, уже действительно очень больным. А в 1833 г., когда Перовский и Даль познакомились, их, конечно, могло сразу расположить друг к другу то обстоятельство, что оба участвовали в Турецкой войне. Именно из-за начала этой войны дерптский студент Владимир Даль должен был досрочно сдать экзамен и отправиться на фронт в качестве военного хирурга.

О том, как уже в Оренбурге складывались его отношения с губернатором, Даль, видимо, откровенно рассказывал впо-

* Работа ведется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

следствии детям, и можно верить его дочери Екатерине, которая пишет в своих воспоминаниях: «Отец говаривал, что трудно ему было относиться к Василию Алексеевичу, как должен относиться подчиненный к своему начальнику; что Василий Алексеевич был, по выражению отца, «капризным ребенком», то выражая желание брататься с ним, то вдруг вытянется перед ним и примет начальнический вид» [1, с. 141].

Неровность поведения Перовского, его «капризность», зависимость от собственного настроения были, вероятно, чужды Далю. Поэтому, когда однажды Перовский полушутя-полусерьезно цитатой из Шиллера предложил ему дружбу, Владимир Иванович, как рассказывает его дочь, ответил вежливым и также полушутливым отказом.

Екатерина Владимировна подробно описывает случай на кочевке (даче) Перовского, когда его расшалившийся сын Алеша в отсутствие отца подошел к сидевшим на траве гостям и стал поочередно стегать их кнутом. Никто не протестовал, только Даль предупредил мальчишку: «Ты меня не тронь, а то и я тебя!», и, когда тот не послушался, выполнил свою угрозу, а потом пошел к Перовскому. Василий Алексеевич тут же узнал, что сын его выпорот и будет за такие игры порот и впредь. Ему ничего не оставалось делать, только «дуться» некоторое время, признавая, впрочем, полную правоту Владимира Ивановича.

Обратимся к повести В. И. Даля «Бедовик», написанной в Оренбурге и впервые опубликованной в «Отечественных записках» в 1839 г. Герой повести, молодой чиновник Евсей Стахеевич Лиров называет себя бедовиком, потому что ему как-то всегда не везет, беды преследуют. Вот и с губернатором отношения не сложились. Губернатора как человека хорошо характеризует следующий эпизод: однажды Лиров неплохо провел порученное ему следствие и «ждал спасиба», но какие-то губернаторские подхалимы «успели понаушничать». Далее мы приведем цитату из повести: «Лиров, воротившись и пришедши с донесением, встретил угрюмое чело, в котором одна знакомая его продольная морщина, проходя косвенно к правой брови, показывала *неудовольствие*...

— Ваше превосходительство, — сказал Лиров ... позвольте мне объясниться; отношения мои к вашему превосходительству всегда были доселе самые откровенные; я имел счастье пользоваться...

— Какие отношения, сударь, — спросил губернатор, при-

подняв густые брови на целый вершок, — какие, сударь, отношения? Я думаю, рапорты!..» (курсив наш) [2, с. 32].

У этого губернатора много общего с Перовским. И легковерность по отношению к подхалимам, и густые брови, и умение скаламбурить («отношения» человеческие и «отношения» — документы). И были случаи убедиться, что некоторые мастера художественного слова иногда, не задумываясь, вкладывают слова вымышленного начальника, отчитывающего «бедовика» Лирова, в уста реального губернатора Перовского, разговаривающего с реальным чиновником Далем...

Да, вполне в характере Василия Алексеевича было вот эдак одернуть молодого, начинающего подчиненного. Однако очень сомнительно, что он мог так нагрубить ровеснику, надворному советнику, человеку, спокойно отказавшемуся от близкой дружбы с ним, способному выпороть его сына!

В реальной жизни «отец и командир», как Даль с добрым юмором называет своего начальника в письме к А. А. Краевскому, был, несмотря на сложности своего характера, не только уважаем, но и любим подчиненными, в том числе и Владимиром Ивановичем. О том же, как Перовский относился к нему, лучше всего рассказывают письма, которые хранятся в Рукописном фонде Пушкинского Дома и в ближайшее время будут опубликованы.

Здесь мы приведем лишь несколько коротких записок, адресованных В. А. Перовским В. И. Далю. Одна из них, датированная 16 июня, несомненно относится к 1834 г. и связана с рождением пятью днями ранее старшего сына Даля, Льва. Как писала Екатерина Даль, отец назвал его в память своего любимого брата, погибшего в 1831 г. в Варшаве. Мальчику было дано еще два имени — Арслан и Василий. «Арслан» — это просто перевод на татарский язык слова «лев», а Василий — потому, что крестным отцом был Перовский. Не совсем понятно, как это могло быть, ведь из более позднего послужного списка Даля следует, что его дети от первого брака были лютеранами, как и их мать, да и сам Даль перешел в православие лишь к концу жизни. Однако из писем Перовского видно, что он действительно считал себя крестным Льва. Похоже даже, что и следующие двое детей Даля были крещены при его участии. Цитируемая записка подтверждает и упоминание Екатерины Даль о том, что на крестины Льва были приглашены пастор и мулла.

«Знайте вперед, что кормилиц и нянек приискивают не после, а прежде родов; спасибо вам за извещение о здоровье юной матери. Когда крестины? — Я буду в городе, кажется, около 20-го. Скажите, тогда же или после намерены вы вверить наследника вашего святому назиданию пастора Гольма? — как жаль, что малютка под таким скучным предзнаменованием вступает в Христианскую религию. Знаете ли впрочем, что пастор Гольм намерен дать <...> и объехать свое стадо, не лучше ли обратиться к мулле?

Мне любопытно взглянуть на мост и пропеть с вами: «возле речки, возле мосту, уж по мосту, мосту». — Можно ли надеяться, что приедете к нам на кумыс? Я так пристрастился к кобыльему кислому молоку, что всех им потчеваю, не исключая и Льва-Василья Владимировича. А отчего он назван Львом?

16 июня» [3].

Записка, вероятно, написана с кочевки, где летом отдыхал Перовский. В ней интересно и его упоминание об увлечении кумысом, возможно, не без влияния Даля. Существенно и упоминание о мосте. Видимо, возведение моста в городе закончено в эти дни, когда Василия Алексеевича не было в Оренбурге.

Две маленькие записки без даты следует отнести к 1836 году, так как в них говорится о рождении второго сына Даля, Святослава, появившегося на свет 4 марта этого года. По всей вероятности, Перовский в это время находился в городе.

«Душевно рад и поздравляю; надеюсь, что вы и второму внушите те строгие правила, которыми отличается первый. — Между тем придумайте, как бы нам это радостное событие скрыть от пастора и окрестить новорожденного домашними средствами».

***

«Если бы мне не было известно, что вы час спустя после рождения возлюбленного сына вашего (имени еще не знаю) ходили стрелять зайцев, то я бы не беспокоил вас о имеющейся у вас бумаге относительно калмыцких челнов; потому что рождение сына и даже дочери есть законная причина на прерывание на несколько дней занятий по службе; но по вышеуказанной причине, кажется, могу sans indiscrétion[1] спросить у вас, готова ли та бумага» [там же].

Это, в общем-то, служебная записка, Перовский торопит Даля, который работает над нужным ему документом, но как

[1] (фр.) не рискуя показаться неделикатным.

торопит? Начальственному требованию придана форма шутки!

А вот еще более забавная записка без даты:

«Получил я вашу грамоту, ту,
Что принес мне человек, век
буду помнить ваши стихи, хи,
хи, хи, хи, хи, хи, хи» [там же, л. 15 об].

Здесь мы видим яркий пример присущего Перовскому остроумия и можем заключить, что и он получил от Даля какие-то чисто приятельские записки, даже со стихами.

Приведем еще одну записку без даты. Поскольку в ней говорится об отчете, который готовит Даль и хочет прочесть Перовский, отнести ее можно к концу 1835 или 1836 г. Из этой записки видно, что Перовский вслед за Далем увлекся работой на токарном станке и занимался ею весьма ревностно, как и всем, что его увлекало.

«<Встреча ...> отсрочена до завтра по случаю бурана; нельзя ли нам отчет прочесть сегодня? Вчера я строгал до двух часов ночи и источил весь кленовый болванчик; пришлите мне другой, хоть березовый. — От работы болит поясница, зато вы удивитесь успехам» [там же].

Можно ли представить себе, что автор этих писем мог сказать их адресату: «Какие, сударь, отношения? Я думаю, рапорты!»?

Примечания

1. Даль Е. В. Главы из воспоминаний / Публ. А. Г. Прокофьевой // Гостиный Двор: Альманах. Калуга, 1995. № 1. С. 140—149.

2. Даль В. И. Избранные произведения. М.: Правда, 1983.

3. Пушкинский Дом, 27.368, CXCVI б. 8: Письма В. А. Перовского В. И. Далю.

4. Пушкинский Дом. 27.416. CXCVI б. 10: Письма В. И. Даля сестре, П. И. Шлейден.